

и неудачи попыток прорвать западную “блокаду”. При упоминании этих неудач историк возлагает вину не только на “происки врагов разрядки” на Западе, но и на бюрократические издержки, допускавшие советской стороной. Характерный пример – трактовка эпизода с организацией выступлений советских шахматистов в Западном Берлине в январе 1964 г. Шахматисты должны были прибыть в Западный Берлин транзитом из Голландии, и потому “визовая проблема” в данном случае не стояла. Однако возникли сложности: причем, как отмечает автор, “не по вине приглашающей стороны и даже не по вине западноберлинских властей”, а “из-за громоздкости и медлительности в работе советской бюрократической системы, занимавшейся организацией выступлений советских спортсменов за рубежом” (с. 130). К сожалению, авторское описание этого эпизода оставляет впечатление некоторой недосказанности: остается неясным, увидели ли все-таки западноберлинцы выступление гроссмейстера П.П. Кереса (с первоначально планировавшимися визитами М.М. Ботвинника и С.М. Флора ничего не получилось), и если да, то какова была их реакция. Большой полноты хотелось бы пожелать при характеристике иных эпизодов такого рода. Автор отмечает отрицательную реакцию “в Москве” на инициативу советского посольства по приглашению в СССР директора западноберлинского фестиваля музыки и театра Н.Д. Набокова (с. 146), однако читатель остается в неведении, что речь идет о композиторе, писателе и театральном деятеле, русском эмигранте и гражданине США. Здесь была бы уместна ссы-

лка на воспоминания советского дипломата Ю.А. Квицинского, который подробно описывает свои встречи с этим представителем первой волны русской эмиграции и, кстати, отмечает, что в конце концов поездку Набокова в СССР удалось организовать³.

С некоторыми высказываниями автора трудно согласиться. На чем, например, основано мнение, что СССР был лучше информирован о положении в Западном Берлине, чем власти ГДР (с. 85)? Разумеется, официальных контактов у ГДР с западноберлинской стороной не было, но по линии органов госбезопасности ГДР информации поступало, очевидно, вполне достаточно. Впрочем, освещение такого рода связей не входило в задачу автора.

В целом новая монография Р.В. Долгилевича представляет собой значительный вклад в освещение западноберлинской проблемы и подтверждает репутацию автора как лучшего в России знатока ее истории. Можно лишь пожелать историку дальнейшего успешного продолжения его изысканий в этой области – доведя их, по крайней мере, до 1971 г., когда было заключено четырехстороннее соглашение по Западному Берлину.

А.М. Филитов,
доктор исторических наук,
главный научный сотрудник ИВИ РАН

³ Квицинский Ю.А. Время и случай. Записки профессионала. М., 1999, с. 234–241.

М.В. Ковалев. РУССКИЕ ИСТОРИКИ-ЭМИГРАНТЫ В ПРАГЕ (1920–1940 годы). Саратов: Саратовский государственный технический университет, 2012, 408 с.

Рецензируемый труд – первая большая монография лауреата золотой медали и премии молодым ученым РАН, доцента, заведующего кафедрой, заместителя декана Саратовского государственного технического университета им. Ю.А. Гагарина к.и.н. М.В. Ковалева. В его основу положена кандидатская диссертация “Научный быт русских историков-эмигрантов в Праге в 1920–1930-е годы”, защищенная в 2009 г. Автор привлек к изучению широкий круг источников и литературы. Среди источников большой массив документов из архивов России, Чехии, Эстонии и других стран. Многие из них впервые вводятся в научный оборот. М.В. Ковалев прекрасно ориентируется в обширной литературе по истории русской

эмиграции. Обзор источников и литературы, представленный в книге, выполнен на высоком профессиональном уровне. Автор хорошо ориентируется в обширной эмигрантоведческой литературе на многих языках, часто к месту цитирует своих предшественников, нередко полемизирует с ними, исправляя на документальной базе их ошибки и неточности.

Поставив целью выявить и осветить особенности повседневной жизни и научного быта, специфики организации работы русских историков-эмигрантов в Праге, М.В. Ковалев разделил монографию на три главы.

В первой главе – “Русские ученые и чешское культурное окружение” – автор рассказал о культурных и бытовых условиях жизни рус-

ских ученых-эмигрантов в Праге, об их контактах с чешскими коллегами, о проблемах адаптации. В Праге в начале 20-х годов XX в. при поддержке президента Т.Г. Масарика были открыты русские научные, образовательные-просветительские и культурные центры. Численно русская диаспора в Праге уступала землячествам в Париже, Берлине, Варшаве и Белграде, но по концентрации русских историков и других гуманитариев Прага не знала себе равных. Недаром в эмигрантских кругах тогда Прагу нередко называли “Русским Оксфордом” (с. 44, 51).

Во второй главе – “Историческая наука в контексте организации и институционализации научного быта” – М.В. Ковалев сосредоточил внимание на освещении деятельности русских организаций в Праге: научного семинара (позже – института) академика Н.П. Кондакова, Русской академической группы в Чехословакии, Русского исторического общества, Русского института и института изучения России, Русского института сельскохозяйственной кооперации, Русского юридического факультета, действовавшего под патронажем чешского Карлова университета, Русского Народного (Свободного) университета, Русского заграничного исторического архива, Русского культурно-исторического музея. За исключением академической группы и Народного университета названные организации не имели аналогов в других странах русского рассеяния. Несомненный интерес представляет описание конфликтных ситуаций, возникших среди русских историков-эмигрантов (с. 152–153, 167–172). Ощущение некоторой неполноты возникает только при ознакомлении с последним разделом главы – о неформальных интеллектуальных объединениях. Само существование данного раздела в книге вполне оправдано. Однако при переиздании книги можно было бы дополнить его краткими сведениями о важнейших очагах и изданиях, которые прославили русскую Прагу, но не стали предметом пристального внимания автора. Можно было бы рассказать о Пражском лингвистическом клубе, Обществе и семинаре Ф.М. Достоевского, издательстве “Пламя”, о журналах и сборниках (“На чужой стороне”, Прага – Берлин, 1923–1925, “Голос минувшего на чужой стороне”, Париж, 1926–1928, издававшихся под редакцией С.П. Мельгунова и В.А. Мякотина; и др.). В рецензируемой книге они лишь мельком упоминаются, чаще всего в примечаниях. И внимание читателя на них не фокусируется. А они, на мой взгляд, заслуживают специального рассмотрения в книге, прежде всего в связи с сотрудничеством в них пражских историков-эмигрантов.

Третья глава – “Метаморфозы исторической памяти” – отличается от первых двух проблемно-тематической направленностью. Она имеет более определенную историографическую составляющую. Автор рассмотрел в ней разные аспекты проблемы исторической памяти как части научного быта. В разделе об исторических праздниках, которые трактуются как способ сохранения памяти о прошлом, освещены различные формы праздников: многочисленные ежегодные (начиная с 1925 г.) собрания, митинги, одноразовые газеты, листовки, буклеты, посвященные “Дню русской культуры”, конференции, заседания, семинары, специальные сборники и брошюры, приуроченные к юбилеям А.С. Пушкина (125 лет со дня рождения и 100 лет со дня гибели поэта), Л.Н. Толстого (100 лет со дня рождения), Ф.М. Достоевского (50 лет со дня смерти) и др. Чествование юбилеев великих зодчих российской культуры, празднование различных памятных дат, как показано в книге, приобрело в эмиграции широкий размах.

Специальное внимание М.В. Ковалев уделит тому, как историки-эмигранты представляли в исследованиях и в научно-популярных трудах важнейшие этапы и проблемно-тематические узлы истории России (Древняя Русь, Московское царство, деятельность Петра Великого (в связи с 200-летием его смерти), 100-летие восстания декабристов и другие вехи императорского периода).

Последняя глава книги, несомненно, является авторской удачей. Однако приходится констатировать, что один из ее разделов – о евразийстве – менее убедителен, чем другие. Справедливости ради скажем, что тема о евразийстве – одна из самых сложных в гуманитарных науках. И литература проблемы – почти безбрежна. Нельзя не отметить отдельные авторские достижения при разработке темы евразийства. Без сомнения, важным является, например, обнародованный автором архивный материал об откликах ученых Советской России на евразийские публикации. Но вместе с тем следует отметить и изъяны. В главе не показано своеобразное место и особенности пражской группы в движении евразийцев, автор неудачно называет Прагу “организационным центром евразийцев” (с. 248). Фактически евразийское движение не имело одного географического центра. Евразийская группа в Париже часто оставляла в тени пражскую группу. Автор по существу не замечает противоречий в движении, нестыковку взглядов и публикаций евразийцев: он склонен рассматривать евразийство как единое, сложившееся раз и навсегда общественно-политическое движение.

Трансформации евразийства из возникшего в 1921 г. в Софии небольшого культуроцентричного кружка интеллектуалов с неуклонно усиливавшимся в нем с середины 20-х годов XX в. пробольшевистским зарядом сопутствовала проигнорированная автором “инфильтрация” в ряды евразийцев (уже в 1923 г.) агентов Треста, созданного ОГПУ для разложения эмиграции¹. Некоторые исследователи считают этот факт решающим в судьбе евразийства. Один из них – А.В. Соболев – отметил: “В 1924 г. проникшим в движение агентам ГПУ удалось соблазнить евразийцев утопической перспективой влиять на внутрисоветские процессы. Их убедили, что их идеи пользуются в СССР большой популярностью среди военной и комсомольской молодежи. И что им необходимо переориентировать свою деятельность на идеологическую обработку этой молодежи в духе евразийства. Переориентация на пропагандистские цели понизила теоретический уровень разработок и привела к расколу в движении, а возникшее в 1928 г. в Париже пробольшевистское крыло окончательно скомпрометировало движение в глазах русских эмигрантов”².

В ходе упомянутой трансформации только пражская группа евразийцев, руководимая П.Н. Савицким, сопротивлялась победившему в парижской и других группах пробольшевистскому курсу; а именно последний предопределил в конечном счете раскол и деградацию всего евразийства³. Автор, к сожалению, об этих противоречиях, борьбе и особенностях позиции “пражан” в ней не указывает, что является упущением в работе.

Кроме того, в книге есть некоторые неточности и огрехи. Например, более чем сомнительно утверждение (со ссылкой на статью А.А. Кизеветтера), что П.М. Бицилли в выступлении на съезде ученых в Праге в 1924 г. будто бы доказывал тождественность понятий культуры и цивилизации (с. 139). Между тем нам известны неоднократные публика-

ции П.М. Бицилли в журнале “Современные записки” (1932–1936), где он в противовес шпенглеровскому представлению о полярности понятий “культура” и “цивилизация” рассматривает их как термины одного “мыслительного ряда”, но настаивает на их различии⁴. На с. 227 автор несколько принижает масштаб личности В.В. Руднева (одного из руководителей партии эсеров, секретаря ее Московского комитета и члена ЦК, городского главу Москвы в 1917 г.), назвав его “эсер Руднев”. Напротив, на с. 244 и 276 преувеличен вклад в науку директора русской гимназии в Белграде В.М. Сухотина, издавшего 3 учебных пособия по истории для гимназистов и аттестованного “крупным историком”.

Вряд ли правомерно, без специальных оговорок причислять Р.О. Яacobсона к евразийцам, тем более – к активным и последовательным приверженцам евразийства, как это выглядит в авторских констатациях на с. 247 и 249. Яacobсон на самом деле тесно сотрудничал с главой евразийцев Н.С. Трубецким в разработке чисто лингвистических проблем, но ему были чужды политические идеи евразийцев. И он подчеркнуто дистанцировался от политической борьбы в эмиграции. С другой стороны, Н.С. Трубецкой, как показывают новейшие исследования (см., в частности, его переписку с П.П. Сувчинским)⁵ – намеренно избегал, по невыясненным до конца причинам, привлекать Р.О. Яacobсона к евразийским делам. И потому эпизодические публикации Р.О. Яacobсона на околоевразийские темы (например, о евразийском языковом союзе и др.) не должны, на наш взгляд, служить основанием для зачисления его в ряды последовательных евразийцев.

Указанные неточности и упущения не могут никоим образом поколебать общей положительной оценки книги. Рецензируемая монография – добротная и основательная работа по истории русской эмиграции XX в.

М.А. Бирман,
доктор исторических наук, профессор

¹ Глебов С. Евразийство между империей и модерном. История в документах. М., 2010, с. 44–45, 134–140, 219, 253.

² Соболев А.В. О русской философии. СПб., 2008, с. 329–330.

³ Глебов С. Указ. соч., с. 395–397, 543, 554–555.

⁴ Бицилли П. Нация и культура. София, 2004, с. 26–28, 37.

⁵ Глебов С. Указ. соч., с. 22–23, 154, 374, 502.